

СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ В ПЕРИОД РЕГЕНТСТВА АННЫ ЛЕОПОЛЬДОВНЫ

В статье рассмотрены основные тенденции в проведении реформ Анной Леопольдовной в качестве регента при сыне — императоре Иване VI Антоновиче — в отношении системы высших и центральных органов власти в России. Автором отмечена главная особенность регентства Анны Леопольдовны — мелочный, регламентационный характер указов и распоряжений, причиной чего являлось отсутствие знаний и опыта управления огромной империей.

Ключевые слова: государственное управление, кабинет министров, коллегии, регент, рекетмейстер, Сенат.

Анна Иоанновна скончалась 17 октября 1740 г., оставив престол сыну своей племянницы Анны Леопольдовны и Брауншвейгского принца Антона — Ивану Антоновичу, которому было всего два месяца от роду (родился 12 августа 1740 г.). Воля покойной Анны Иоанновны была исполнена: двухмесячный младенец Иван VI Антонович был объявлен новым императором России, а герцог Бирон — регентом, а фактически правителем с самодержавными полномочиями до совершеннолетия царя.

Бирон был любимцем Анны Иоанновны, но со смертью императрицы для него наступили тяжёлые времена. Бирон, зная о недоброжелательном отношении к себе русского народа, начал своё правление с милостей. Он отменил несколько смертных приговоров («О прощении некоторых винъ преступникамъ...» [1]), снизил подушный налог, в частности, в указе от 11 ноября 1740 г. отмечалась «... Наше милосердие, въ доимкахъ, объ отпущении винъ, штрафовъ и наказания впадшимъ въ разныя погрешения, такожь въ убавке на нынешний 740 годъ подушныхъ денегъ...» [2], смягчил судебные кары. Так, например, определены приоритеты в приобретении имений родственников, которые подлежали конфискации: «Сколь скоро у кого недвижимое имение..., будут конфискованы или за иски отписаны, то того жъ времени у техъ прежнихъ владельцовъ брать сказки, есть ли кто у нихъ ближние родственники, и где они обретаются, и кого они родственниковъ объявлять, техъ... призвавъ, спросить, желаютъ ли они выкупить те отписныя или конфискованныя имения...» [3].

Положение высших и центральных органов власти в правление Бирона практически не изменилось, что было подтверждено указом «О поступании, при управлении Государственныхъ делъ, по Регламентамъ и Уставамъ...», в котором указывалось следующее: «... дабы правосудие во всей Нашей Империи везде нелицемерно и истинно содержано и отправлено было... того ради заблаговременно, все те прежние указы ныне вновь накрепчайшее подтвердить» [4].

Что касается кабинета министров, то при воцарении Ивана Антоновича он продолжал функционировать, будучи созданным ещё Анной Иоанновной, и состоял из трех человек. В кабинет входили граф Андрей Иванович Остерман, князь Алексей Михайлович Черкасский, Алексей Петрович Бестужев-Рюмин. И, конечно же, по нашему мнению, кабинет Ивана Антоновича имел меньшее влияние на государственное управление в период регентства Бирона, нежели при Анне Иоанновне или же в период регентства Анны Леопольдовны.

Э.-И. Бирон был регентом с 17 октября 1740 г. по 8 ноября 1740 г. Не совсем понятное многим назначение регентом постороннего в царской семье человека обещало между Бироном и родителями императора борьбу за власть. Симпатии большинства были на стороне родителей Ивана VI. В гвардии также назревал бунт против Бирона. Миних воспользовался услугами гвардии и без труда осуществил заговор. В ночь на 8 ноября 1740 года Бирон был арестован и заточён в Шлиссельбургскую крепость. Затем он со своей семьёй был сослан в Тобольскую губернию.

После падения Бирона правительницей России объявили Анну Леопольдовну. Правление Анны Леопольдовны, сначала сочувственно принятое народом и высшим обществом, вскоре стало вызывать осуждение. Ключевые посты в управлении государством оставались в руках немцев, которые пришли к власти ещё в правление Анны Иоанновны. Анна Леопольдовна мало занималась да и интересовалась государственными делами, поэтому основная управленческая нагрузка легла на кабинет министров во главе с Б. Х. Минихом. Состав кабинета подвергся изменению, он, можно сказать, достиг окончательного своего развития: Бестужев-Рюмин был арестован, и образовался новый состав кабинета, членами которого стали граф Миних, занявший как победитель первое место — ему был пожалован чин первого министра; граф Остерман, князь Черкасский и граф Головкин.

Для уменьшения волокиты при Анне Леопольдовне была учреждена должность рекетмейстера

12 ноября 1740 г.: «... Андрею Фенину... указали быть при Дворе Нашем... Рекетмейстеромъ въ ранге армейскаго Полковника,... и для того Всемилоостивейше повелеваемъ тебе:

1. Все подаваемыя Намъ челобитныя,... разсматривая, представлять Намъ токмо те, которыя до собственной Нашей резолюции касаются; а прочия... отсылать для решения въ Сенатъ...

2. ...челобитныя разсматривать по примеру должности Генерала Рекетмейстера... безъ всякаго задержания, дабы челобитчики долго не волочились...» [5]. Рекетмейстеру указывалось подавать жалобы на коллегии, канцелярии и Сенат в случае волокиты при решении дел с их стороны. «...Челобитчикахъ... дабы дела ихъ... неотменно решены были въ определенные указами и регламентами сроки, опасаясь неизбежнаго тяжкаго предъ нами ответа; напротивъ жъ того и челобитчикмъ кои прошения Намъ подавать о настоящемъ и справедливомъ деле и съ обстоятельнымъ о свремъ въ какой Коллегии или Канцелярии неудовольствии показаниемъ, под опасениемъ такого жъ штрафа: ибо безсомненно и челобитчики есть суть безсовестные, которые Насъ безрезонно утруждать могутъ, къ подаче жъ таковыхъ Намъ челобитенъ для безлишняго затруднения определямъ въ каждой неделе день субботний» [6].

Дабы и в дальнейшем избежать волокиты и не утруждать себя в отправлении государственных дел Анна Леопольдовна утвердила дополнительно указ: «О подавании челобитенъ въ учрежденныхъ местахъ и о чинении по онымъ решенийъ безъ всякой волокиты» (в указе подчеркивалось: «...Насъ не утруждать...») [7].

Для дальнейшей систематизации поданных в государственные структуры челобитных Анна Леопольдовна дает следующие распоряжения Сенату: создать при Сенате особую Комиссию, «чтобъ... все... старыя нерешенныя дела всеконечно рассмотрены решены были въ немедленномъ времени; а которыя дела за прошествиемъ времени никакому решению уже не подлежатъ, или генеральными указами решились, те все, разобравъ и учиняя имъ реестръ, отдать въ Архивъ, и впредь ихъ нерешенными не числить» [8], а также указывалось следующее: «Каковы всеподданнейшие рапорты отъ Сената подаются о решенныхъ и нерешенныхъ делахъ, таковы жъ велеть подавать въ Сенатъ изъ всехъ Коллегий и Канцелярий и Конторъ; а въ Сенате, собирая оныя, сочинять изъ нихъ генеральныя рапорты, сколько въ Сенате и во всехъ оныхъ местахъ дель вступило и решено и нерешенныхъ осталось и подавать те рапорты по прежнему понеделю» [9].

В итоге Анна Леопольдовна указала Сенату подавать еженедельные рапорты о решенныхъ делахъ «... а Мы обстоятельнее того желаемъ ведать, съ какимъ успехомъ оныя дела къ решению приходятъ» [10].

Конечно же, благодаря уже упомянутым личным качествам Анны Леопольдовны, в период ее регентства кабинет серьезно изменился в своем положении, превратившись из органа подконтрольного в фактического правителя империи, прикрытого именем императора и правительницы.

28 января 1741 года вышел именной указ кабинету, создавший новую форму верховной власти. Дела кабинета, впервые указывалось, необходимо было «... разсматривать... по Департаментам: 1) «Первому Министру... Миниху, что касается до всей Нашей сухопутной полевой армии, Ландмилиции и гарнизонов, въ рекрутении людьми и лошадьми, въ снабдении

ружьем, мундиромъ и амуницию и въ содержании потребныхъ для довольствия оной провиантскихъ магазиновъ... (т.е. военными делами), рапортуя обо всемъ томъ» Антону Ульриху. «2) Генерал-адмиралу Графу Остерману, все то, что надлежитъ до иностранныхъ дель,... такожъ о добромъ содержании Адмиралтейства и флота... 3) Великому Канцлеру Князю Черкасскому и Вице-Канцлеру Графу Головкину, все то, что касается до внутреннихъ дель по Сенату и Синоду, и о Государственныхъ по Камеръ-Коллегии сборахъ и другихъ доходахъ, о Коммерции, о Юстиции и о прочемъ къ тому принадлежащемъ...». Уполномоченные главы «департаментов» имели теперь право самостоятельно рассматривать дела, относящиеся к их компетенции, а затем предоставлять проекты решений по ним «прочимъ Министрамъ» кабинета за своей подписью. Этот же указ предполагал назначение «известныхъ дней» для «общаго разсуждения» министров [11].

Вспомогательное значение в период регентства Анны Леопольдовны имели двенадцать отраслевых коллегий, у каждой из которых был президент и два вице-президента, а также Сенат из девяти человек. Сенат, будучи высшим центральным органом империи, тем не менее в деле государственного управления, как и вообще в процессе издания законов, играл роль второстепенную, подчиняясь в своих действиях кабинету министров.

Подводя итоги, отметим, что указы, изданные в период регентства Анны Леопольдовны в Полном собрании законов Российской империи, имеют тенденцию приобретать все более регламентационный характер с каждым последующем месяцем ее правления, появляется все больше распоряжений частного характера.

Регентство Анны Леопольдовны продолжалось до окончания царствования Иоанна Антоновича (25 ноября 1741 г.). Анна Леопольдовна, как и её муж, не имели элементарных понятий по управлению государством. К тому же Анна Леопольдовна была чужда русской культуре, глуха к заботам и страданиям россиян. Недовольные немецким засильем группировались вокруг царевны Елизаветы Петровны. Народ и гвардия видели в ней освободительницу России от иноземного управления. Зрел заговор против правительницы Анны Леопольдовны и её младенца — императора Ивана VI.

Библиографический список

1. О прощении некоторыхъ винъ преступникамъ и взысканий съ подсудимыхъ // ПСЗ—1. — Т. 11. — № 8263.
2. О рассмотрении Сенату ведомостей о доимкахъ и о подаче оныхъ для утверждения въ Кабинетъ // ПСЗ—1. — Т. 11. — № 8285.
3. О правилахъ оценки и продажи конфискованныхъ и за иски отписанныхъ имений // ПСЗ—1. — Т. 11. — № 8822.
4. О поступании, при управлении Государственныхъ дель, по Регламентамъ и Уставамъ // ПСЗ—1. — Т. 11. — № 8286.
5. Объ установлении при Высочайшемъ Дворе особаго Рекетмейстера // ПСЗ—1. — Т. 11. — № 8288.
6. О подавании жалобъ Придворному Рекетмейстеру на Коллегии, Канцелярии и Сенатъ о нескоромъ решении дель // ПСЗ—1. — Т. 11. — № 8293.
7. О подавании челобитенъ въ учрежденныхъ местахъ и о чинении по онымъ решенийъ безъ всякой волокиты // ПСЗ—1. — Т. 11. — № 8289.
8. Объ учреждении при Сенате особливою Комиссии для решения неоконченныхъ дель // ПСЗ—1. — Т. 11. — № 8294.
9. О доставлении изъ всехъ Коллегий, Канцелярий и Кон-

торъ въ Сенатъ ведомостей о решенныхъ и нерешенныхъ делахъ // ПСЗ—1. — Т. 11. — № 8295.

10. О подавании еженедельныхъ рапортовъ изъ Сената о решенныхъ делахъ на Высочайшее усмотрение // ПСЗ—1. — Т. 11. — № 8385.

11. О разделении вступающихъ въ Кабинетъ дель между Кабинетъ-Министрами, и о порядке производства оныхъ // ПСЗ — 1. — Т. 11. — № 8326.

БЕЛОВА Татьяна Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент (Россия), заведующая кафедрой истории Отечества и экономики.

Адрес для переписки: belova.t.a@mail.ru

Статья поступила в редакцию 07.11.2013 г.

© Т. А. Белова

УДК 93:026.07(09)

И. А. СИЛАЕВА

ООО «Научно-Производственное
предприятие "Сибгеокарта"»,
г. Нижневартовск

Н. Н. ОГЛОБЛИН О ПЕРВЫХ СИБИРСКИХ БИБЛИОТЕКАХ

Труды видного российского историка и архивиста Н. Н. Оглоблина благодаря изучению им громадного массива документов архива Сибирского приказа дают, в частности, широкое представление о книжных собраниях Тобольской епархии в XVII—первые годы XVIII столетий. Исследователь рассмотрел вопросы распространения богослужебной литературы в Сибири и историю появления там первых библиотек, в том числе у старообрядцев.

Ключевые слова: Н. Н. Оглоблин, Сибирь, книжность, Тобольская епархия, XVII столетие, библиотека, раскол.

Видный отечественный архивист и историк рубежа XIX—XX столетий Николай Николаевич Оглоблин в своих работах зачастую впервые рассмотрел вопросы формирования библиотек и распространения книг в Сибири XVII в. Однако до сих пор вклад ученого в изучение русской сибирской книжности того времени не являлся предметом специального исследования, хотя порой отмечалось, что в его работах, особенно в четырехтомном «Обзрении столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.)», в научный оборот введен обширный источниковый материал.

Одна из многочисленных статей Н. Н. Оглоблина была посвящена описи библиотеки архиепископа Тобольского и Сибирского Игнатия Римского-Корсакова [1].

При изучении этого книжного собрания ученый использовал «Описные книги» митрополичьей «домовой и келейной казны», составленные в августе 1700 г. монахом И. Булаковым, дьяками Сибирского приказа и Патриаршего разряда И. Чепелевым и В. Несеровым.

Рассматривая библиотеку Игнатия, Н. Н. Оглоблин пришел к выводу, что книжность Сибири конца XVII века была неразрывно связана и с литературой богослужебного характера (Минеи, Октоихи, Служебники, Прологи, Уставы и Евангелия имелись у митрополита во многих экземплярах), и представлена светскими памятниками, такими, например, как Алфавит, Лечебник, Маргарит.

Библиотека Игнатия Римского-Корсакова, по определению Н. Н. Оглоблина, включала и печатные книги, и рукописные. Среди последних имелись житийные повести, взятые митрополитом для переписки [1, с. 4]. Н. Н. Оглоблин обратил внимание и на формат книг. Так, историк упоминает о нали-

чии у Игнатия книг «в четверть», рукописей «в полдестъ», «в полдестъ» в переплете, книг «в тетрадах», книг печатных «в раме», книг печатных «в дестъ» в переплете, книг в переплете «в осьмушку».

Внимание известного ученого привлекли и челобитные, касающиеся библиотеки последнего тобольского митрополита XVII в. Так, согласно одной из них, вологжанин Иван Слободской передал Игнатию восемь певчих нотных книг (для их переписки), которые митрополит обещал впоследствии вернуть [1, с. 5].

По данным Н. Н. Оглоблина, 14 марта 1700 г. сибирский митрополит взял две книги — Хрисмологион и Историю Скифийскую — у Алексея Коробовского, о чем известно по челобитной последнего. Исследователь привел подробные сведения о передаче А. Коробовским книг митрополиту и свидетельства очевидцев о том, что Игнатием не были уплачены деньги за упомянутые книги (разыскать их А. Коробовскому не удалось) [2].

Н. Н. Оглоблиным рассматривались и ценовые росписи библиотеки Игнатия Римского-Корсакова. Указанные исследователем цены на книги были определены торговыми людьми книжного ряда Федором Харитоновым и Стефаном Филипповым [1, с. 7].

Прослеживая судьбу библиотеки Игнатия Римского-Корсакова, Н. Н. Оглоблин поясняет, что 10 сентября 1701 г. книги и прочие предметы быта передали в дом «поставленного» в Сибирь нового митрополита Дмитрия, хотя уже через полгода, 8 февраля 1702 г., по причине перевода этого владыки в Ростов Великий часть имущества Игнатия перешла преемнику Дмитрия, другая же часть предположительно была отписана в государеву казну. Как полагал Н. Н. Оглоблин, книги Игнатия Римского-Корсакова остались у митрополита Дмитрия [1, с. 8].